

Творческий взлет Олега Резепкина

Наш земляк издает в Москве одну книгу за другой

Творческая биография писателя Олега Резепкина началась в 2001 году, когда в Москве вышел в свет его первый роман «Зеркало». С тех пор опубликовано уже одиннадцать произведений, среди которых шесть романов, три сказки для детей, повести. Они были замечены критикой и читателями, в том числе зарубежными — три романа О. Резепкина переведены на иностранные языки. Простота стиля, сочетание глубины и прозрачности образной ткани повествования, слепки философии и лирики, обжигающей жизненной правды и таинственных снов — эти качества прозы молодого писателя, по мнению рецензентов, позволяют сравнить его с кумиром современной читающей публики Пауло Коэльо. И все же — глубоко русское, пережитое, прочувствованное живет и дышит в его книгах.

Почему вы начали писать, Олег Юрьевич? Вы успешный бизнесмен, к тому же ведете большую организационную работу по созданию Европейской лиги содействия бизнесу и культуре, подготовили к защите диссертацию по сложнейшей проблеме взятия заложников и вступ — психологическая сюжет, бездна фантазии!

Наверное, меня влечет к писательству то же, что помогало выступать в жизни моим героям: режиссеру Алексею Соколовскому из романа «Сны», ученому Антону Житкевичу из «Авантюры». Это — стремление человека к самопознанию в ситуации, когда вокруг бьются социальные бури, меняющие традиционный ландшафт человеческого существования, лишшающие личность привычных точек опоры. Совесть, нравственность, моральные устои — сегодня это не данность, каждый вновь и вновь должен взращивать эти ценности внутри себя, отстаивать их в жизненных пере-

тиях. «Взбаламученное море», так назывался роман одного из русских писателей конца XIX века... Вот мы и находимся ныне в таком взбаламученном бытийном пространстве. На кого надеяться? Кто бросит спасательный круг?

Вы весьма успешно в своей прозе интегрируете наше культурное наследие и надстраиваете над ним собственный этаж, где сочетаются такие вроде бы противоположные качества, как интеллектуализм и доступность широкому читателю. Ставя в центр своей прозы современные, горючие проблемы, вы решаете их в классическом ключе, из чего можно сделать вывод...

Вывод о том, — продолжу за вас, — что феномен массовой литературы совсем не так прост, каким его хотят зачастую представить. Популярность не есть признак более низкого уровня творческой продукции, уж извините за подобный термин. Главное — содержательная сторона авторского послания. Ведь сегодня пишущий находится как бы между шаблонами традиционного литературоведения, где писатель рассматривается, прежде всего, как воспитатель, наставник, и постмодернистским подходом к литературе, как к игре, интеллектуальному упражнению. Мне же представляется важным иное: найти то общее, что находится в разных эпохах, в оторванных друг от друга культурных слоях, и это общее встроить в духовный срез нашего времени.

Как же вы формулируете для себя это общее?

— Меня волнует идея, которую уже пытались донести до своих современников многие выдающиеся умы. У нас в России об этом прекрасно писали Лев Толстой, Владимир Соловьев... Корень всех бед надо искать не в общественных катаклизмах и социальной неустойчивости, а в нравственной неполноценности личности, в вытеснении духовных ценностей яр-

кими обманками материального существования, в подмене внутреннего смысла жизни на навязанную извне чуждую цель. «Живи для духа — и жизнь есть благо», — говорит Толстой, — потому что для духа нет ни страданий, ни болезней, ни смерти...» Об этом — мой роман «Сны», переведенный, кстати, на французский. Для его главного героя невозможна жизнь в рамках, заданных чуждой волей. Он не хочет играть, подавать реплики в неизвестной ему пьесе, свой жизненный и творческий путь он предпочитает пройти сам, преодолевая неудачи и страдания в поисках своего истинного «я». А когда люди сосредотачиваются на мелочной суете обывающей, на внешней стороне богатства, успеха и признания, происходит то, что и произошло с персонажами моего романа «Няня». Они теряют близких, становятся игрушками злых сил, их внутреннее чутье, своеобразное «нравственное око» гаснет, и они не в силах отличить добро от его имитации, ловкой подделки. А уж имитациями и подделками буквально наводнен наш сегодняшний мир!

Примечательная черта вашей прозы — внимание к семейной истории персонажей.

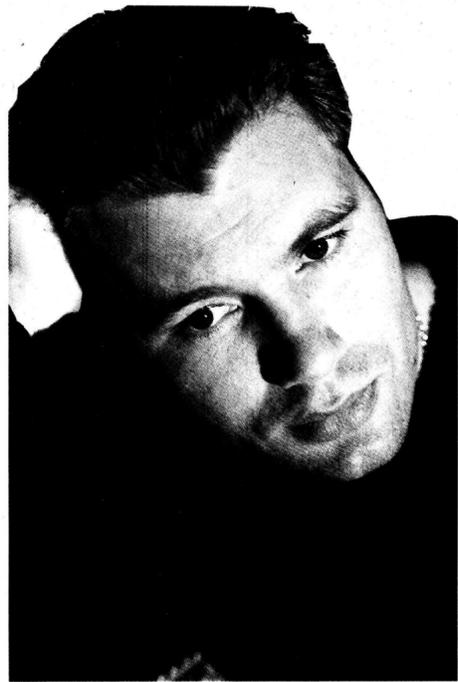
— Каждый раз, когда я встречаю незнакомого человека, мне хочется увидеть его как представителя своей семьи, рода. Ведь за нами тянется шлейф ценностей, идеалов, жертв и обретенных наших предков, собственно на нас — частица их судеб. Для того чтобы иметь право говорить с будущим, со своими детьми, нельзя прерывать связей с прошлым, отречься от него, каким бы трудным и болезненным оно ни было. Предательство памяти нет прощения и даже не столько в простом, житейском плане, сколько в высшем, запредельном смысле. Скажете — высокие слова. Но вся-то беда наша сегодня в том, что мы утрачиваем запас подобных слов, переходим на примитивный сленг потребительства, а значит, добровольно низвергаем собственное сознание до уровня животного состояния.

В «Авантюре» и в «Человеке без имени» острый сюжет — отнюдь не самоцель. Там меня занимала проблема личности,

как складывать слова, что они создают полную иллюзию реальности? Книжки дышали, пахли, плакали, смеялись, их герои становились моими собеседниками, друзьями или врагами. И мне хотелось так же выпрашивать об окружающих меня людях, о природе, я бросался с ручкой к листу бумаги и — застыл... Слов было много, но не хватало того-то, что соединило бы их, вытолкнуло наружу в гармоничном порядке. Дальнейшее — тот самый много раз пересказанный путь к писательству, мучительный поиск ритма, формы, звука — как известно, глубоко индивидуальный, интимный процесс, и о нем мне распространяться не хотелось бы.

Скоро ли ждать вашей новой книги?

— Отвечу так, как написал в одном из своих романов: в-

Интервью взяла Анна ГУРЬЯНОВА.

Классика не горит

РЕЗОНАНС

Прочитала в «Металле» за 10 августа материал Валерия Афонина «Топите баню мировой классикой» и не поверила в такую позицию автора — настолько она нелепа. Сложилось впечатление, что г. Афонин решил просто подразнить читателя. Человек, который призывает вместо классической читать духовную литературу, наверняка, сам ее читает. Так вот, такому человеку мне не хочется отказывать в знании, например, эволюционных законов развития мира или в знании того, что самой созидательной силой является Любовь, а самой спасительной — Красота. Но — все по порядку.

Один наш юморист сказал: «Жизнь такова, какова есть, и больше никакова». Правильно сказал. В каждый период времени мы имеем определенные исторические условия. Ну и стоит ли, г. Афонин, винить Куприна в том, что он в своем рассказе «Белый пудель» не ответил на вопрос: кто создал человеконенавистническую систему, крепостное право, кто лишил народ духовности?.. Ведь Куприн писал не научные трактаты и не исторические исследования, а художественное произведение. И отвечать на такие вопросы — не задача литературы. Важнее показать, как живет человек в этих условиях, почему страдает или радуется его душа. И если сердце читателя реагирует, отзывается на то, что пишет писатель, то эта книга сыграла свою роль. Пусть сегодня маленький читатель проливает слезы и испытывает жалость. Но именно у проливающего такую слезу ребенка больше шансов в будущем обрести понимание необходимости любви к ближнему. А это ли не момент духовный? Разве не этому учат все мировые религии?

Г. Афонин утверждает, что книги должны развивать в человеке несокрушимую волю к жизни, мощь духа и тела, учить хладнокровию и выдержке, дисциплине и самосовершенствованию. Вы заметили, что даже в лексике статьи нашего автора нет таких слов, как любовь — кроме одной цитаты, милосердие, сострадание. Он проповедует волевые качества. Но духовный человек не только волевой, но и любящий. И даже в первую очередь любящий. Ведь все во Вселенной создано Любовью, и Бог есть Любовь. А что касается воли и интеллекта, то самые ужасающие злодеяния совершают люди волевые и умные, но бессердечные.

Обратимся к величайшему психологу Достоевскому. Возьмем хрестоматийный пример. Почему Раскольников совершил свое преступление? Да потому, что усилием воли и интеллекта заглушал в себе голос совести. А почему, в конечном итоге, произошло обретение им Бога? Потому, что любовь Сонечки Мармеладовой помогла. Разве такое воскресение души — момент не духовный? Тогда какой? Хочу обратиться к известному высказыванию Достоевского, которое у всех на слуху: «Красота спасет мир». Кроме того, что Федор Михайлович был великим провидцем, он был еще и оптимистом. Он категорически утверждал: красота спасет! Мы-то в современном мире смотрим по сторонам и ищем: где, где красота? Где красота взаимоотношений между людьми? Где красота речи? Где прекрасные помыслы и гармония с природой?

Мы позволяем себе задавать такие вопросы потому, что знаем, что эта красота возможна в человеке. Пример тому — прекрасный герой у Достоевского — Лев Николаевич Мышкин. И где-то прочитала, что наша земля настолько пропитана грубыми энергиями зла, зависти, алчности, разврата, что чистая любовь не выдерживает их. Она вспыхивает и гаснет. Пример тому — Ромео и Джульетта, Тристан и Изольда, князь Мышкин. Не будь этой литературы, мы, возможно, не знали бы ничего, кроме инстинктов.

Литература, как составляющая культуры, дает нам возможность оставаться людьми и развиваться духовно. Так и хочется обратиться к молодежи: хотите быть в русле эволюции — читайте хорошие книжки! Только вот услышат ли? Нищие в свое время сказали: «Только как эстетический феномен бытие и мир оправданы в вечности».

Наш автор призывает читать духовную, религиозную литературу. Но скажите, много вы найдете желающих почитать, например, Павла Флоренского «Добротолюбие или Оригена». Чтобы читать их, нужно быть готовым, надо воспитать себя, развить. Простым смертным истина с неба не падает. А подготовить дух к восприятию высших идей помогают и Достоевский, и Толстой, и Чехов, и Лермонтов, и Пушкин. На жизненных примерах через психологические коллизии, через разрабоченное сердце и пробужденную совесть они приводят человека к Правде. Это те писатели, произведения которых г. Афонин предлагает сжечь.

Перефразируя слова Михаила Булгакова «рукописи не горят», хочу сказать: классика не горит. Потому что классическая литература — мощный фактор нравственного и духовного совершенствования. А без духовной эволюции пребывание человека на земле становится бессмысленным. Поэтому воспитание Словом — это Божье дело.

Татьяна ФАТИНА, сотрудник музея ОАО «ММ».

От сердца к сердцу

ПРИЗНАНИЕ

Римма Дышаленкова — моя поэтесса. Начинаешь читать, к примеру, книгу «Прошальное слово о знахаре», и оторваться уже невозможно. Ее доверительность поражает: кажется, что рассказывается все лично для меня. Такое же ощущение было и на этой встрече. Конечно, автору важно услышать отклики на стихи, уловить отражение переживаний на лицах читателей, слушателей, увидеть множество признаков обратной связи, ранее неведомых.

— Сама жизнь — сюжетна! — говорит Римма Андриянова. Горы, вода, камень, сон, меч, косточки скелета, рыбка, маленькая скульптура А. Пушкина, солнце — это мир ее живых существ, с которыми она общается: приветствует, советуется, прислушивается к ним, наблюдает. И появляются стихи, рассказы, где «заплетенный, как ладная корзинка, сюжет жизни» входит органично в ткань повествования сказки, баллады, романа, притчи... Таков рассказ «Главное — голубь». Прочтешь его — как-то по-другому смотришь на события в жизни, вспоминаешь, что в твоей жизни такое было... Дух захватывает!

Другой жизненный сюжет в рассказе «Неписанный закон: уступки дороге» связан со случаем из творческой жизни уральского поэта М. Люгарина. Здесь и наказ киргизских старухек, и жизнь, и смерть, и память людская, связь с вечностью», «символы тайного знания». Перечислить все это невозможно, а вот прочитать можно и необходимо!

Римма Дышаленкова — мама. Прежде чем пойти к Ручьеву, говорила сыну: «Арь, давай почитаем стихи Бориса Александровича. Я боюсь, вдруг ты привыкнешь к его простоте, к его сатиновым штанам и тапочкам и перестанешь удивляться ему». И в нашем случае надо об этом знать и помнить, что за скромностью облика Риммы Андрияновой, невыпичиванием стоят зрелища, зоркий взгляд в душу человека, уникальная память, глубина и тонкость намека на задачу-мысль.

Головокружительное кружево ее прозы, поэзии — завораживают, заставляя нестандартно думать о происходящем. Ее талант «оросит» нас, как дождь, и к росту пробуждает душу». Верю, что Римма Андриянова — счастливый человек. В ее стихотворении «Камни счастья» читаем:

Я получила камни счастья — мои счастливые начала. А выше — классы и террасы, и хладнокровие Урала.

Но сила жизни, сила Божья меня читает неуклонно. Мой Божий путь — не бездорожье, но путь неписанных законов...

Мое «конечное», мое сердце, Римма Андриянова, освещены вашим знанием. Спасибо за слово «от сердца к сердцу». До новой встречи.

Татьяна КОМИССАРОВА, поклонница.

Литература есть только фрагмент фрагмента; записывается ничтожная доля того, что произошло и было сказано, сохраняется ничтожная доля записанного.

Иоганн ГЕТЕ

«Иванушка-2004»

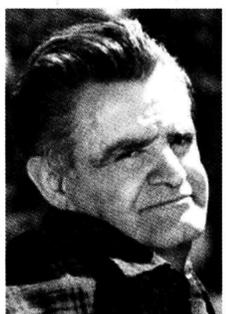
ПРЕМИЯ

Людмила Улицкая получила национальную премию «Иванушка-2004» как писательница года. Вручение награды пис-

ательнице состоялось в рамках 17-й Московской международной книжной выставки-ярмарки. Улицкая, автор психологических повестей и рассказов, отмечена жюри «за рекордную популярность у читателей

произведений некоммерческой литературы». Премия «Иванушка» в различных номинациях получили и другие лидеры российского книжного бизнеса, в частности писатель Сергей Лукьяненко, пишет ИТАР-ТАСС.

Фазиль ИСКАНДЕР

Дом и бездомье

Такая же пара: Толстой — Достоевский. В XX веке наиболее яркая пара: Ахматова — Цветаева.

Литература дома имеет ту простую человеческую особенность, что рядом с ее героями хотелось бы жить, ты под крышей дружеского дома, ты укрыт от мировых бурь, ты рядом с доброжелательными, милыми хозяевами. И здесь, в гостеприимном и уютном доме, ты можешь с хозяином поразмышлять и о судьбах мира, и о действиях мировых бурь. Литература бездомья не имеет стен, она открыта мировым бурям, она как бы испытывает тебя в условиях настоящей трагедии, ты заморожен, затянута видением бездны жизни, но всегда жить рядом с этой бездной ты не хочешь. Впрочем, это во многом зависит от характера читателя.

Литература дома — преимущественно мудрость (Пушкин, Толстой). Литература бездомья — преимущественно ум (Лермонтов, Достоевский). Мудрость сразу охватывает все окружение, но видит не так

уж далеко, потому что далеко видеть и не надо, поскольку, видя все вокруг, мудрость убеждается, что человек везде человек и страсти человека вокруг одинаковы. Ум имеет более узкий кругозор, но видит гораздо дальше. Так, Достоевский разглядел далеких бесов и в бешенстве помчался на них, как бык на красную тряпку.

Литература дома всегда гораздо более детализирована, поскольку здесь мир — дом и нельзя не пошептать и не называть милую сердцу творца домашнюю утварь. Литература бездомья ничего не детализирует, кроме многообразия своего бездомья, да и какие могут быть милые сердцу детали быта, когда дома нет. Зато литература бездомья гораздо более динамична, она жаждо ищет гармонии и в поисках этой гармонии постоянно убывает шаги, переходящие в побегу, а иногда, отрываясь от земли, летит.

Безумный безудерж Достоевского — и мощный замедленный ритм Толстого. Как динамична

Цветаева и как статична Ахматова! И обе — великие поэты. Ахматова — литература дома. Цветаева — литература бездомья. И сразу, с ранней юности, обозначилась таковой, хотя родилась и жила в уютном профессорском доме. Оба поэта — люди трагической судьбы. Но одна из них сразу стала поэтом дома, а другая — поэтом бездомья.

В известной мере Ахматова и Цветаева выступают в двадцатом веке в роли Пушкина и Лермонтова. И мы как бы догадываемся, что если бы не роковые обстоятельства, Пушкин прожил бы долгую жизнь и умер бы своей смертью. Лермонтов тоже прожил бы гораздо дольше, но трагический конец его был предсрещен.

Разумеется, в совершенно чистом виде эти два типа литературы почти не существуют. Но как две мощные склонности они реальны. Они необходимы друг другу и будут сосуществовать вечно...

Я хочу высказать предположение, которое может показаться парадоксальным. Гений наших самых слабых, отсталых форм национальной жизни придает самый цветущий вид. В этом, может быть, подоснователь скандинавского пафоса лечения нации, если это вообще возможно.

Думаю, что в общей исторической перспективе это возможно. Великий гуманистический пафос русской классической литературы общепризнан. Томас Манн назвал русскую литературу святой. Но не есть ли это реакция национального гения на жестокость российской жизни, попытка лечения ее? Великая немецкая философия и великая немецкая музыка, самые поднебесные формы культуры — не есть ли реакция на слишком практичную, приземленную немецкую жизнь? Знаменитый трезвый французский разум, то, что Блок назвал «острый галльский смысл» — не есть ли реакция на французское легкомыслие? Национальный гений как бы говорит своей нации: «Подмайся! Это

возможно. Я ведь показал, что это возможно!»

Среднему человеку любой нации можно сказать: «Скажи, кто твой национальный гений, и я скажу, кто ты. Ты — это гений наоборот».

Национальный гений обладает еще одним парадоксальным свойством. Как французский повлиял на Пушкина — мы знаем. Как Шиллер повлиял на Достоевского — мы знаем. Как Достоевский повлиял на новейшую мировую литературу — мы знаем.

Чтобы созрел великий национальный писатель, необходимо, чтобы он прошел межнациональное перекрестное опыление. Оказывается, предварительным условием углубленного национального самознания является знание чужого, привника чужого. Существование национального гения доказывает, что народы должны стремиться к сближению. То, что либеральная политика (мысль о сближении народов) стремится доказать риторически, культура на практике уже давно доказала.

ЗОЛОТОЕ ПЕРО